

График с большим сердцем

«В искусстве нельзя обмануть никого, кроме самого себя» – эту формулу вывел преподаватель графики Харьковской академии дизайна и искусств (ХГАДИ) Олег Александрович Юрченко. В искусствоведческом центре «Академия» состоялась выставка его работ, посвященная юбилею в квадрате: Олегу Александровичу исполнилось 70 лет, из которых 40 он посвятил преподаванию. Скромный, простой, интересный, с большим сердцем художник поделился частью своей долгой и плодотворной творческой биографии.

Корр.: Как вы выбрали эту профессию? Что повлияло на ваш выбор?

Олег Юрченко: Прежде всего, то, что у меня был хороший преподаватель. Я посещал кружок во Дворце пионера, где была студия. У моего преподавателя было хорошее качество – он мог зажечь человека.

На самом деле я ходил в разные студии: это и фотостудии, и авиа-модельный кружок. Но этот преподаватель зажигал не тем, что давал указания, как рисовать, он рассказывал всякие интересные истории о художниках, о их жизни, и мы все слушали с открытым ртом, потому что для нас, молодых людей, это было необычайно интересно. И вот так постепенно мы начали брать пример с этих людей, сами делали многие материалы... Я, помню, этюдник деревянный делал. Я жил в маленьком городе, где нельзя было купить художественные материалы. Собственно, с этого все и началось. Потом я два раза поступал в харьковское училище: первый раз – после восьмого класса, второй – после девятого, потом – в художественно-промышленный институт.

Корр.: Это был такой своеобразный толчок в развитии?

О. Ю.: Наверное. Я помню моего первого преподавателя, помню, как он вдохновлял буквально во всем. Поражала та энергия, которая исходила из него. Такого человека я встретил еще раз в своей жизни, это был Криворучко Иван Федорович – шрифтовик. Когда мы у него учились (а он был холерик), глаза горели, он всегда нам что-то показывал, рассказывал, рисовал. В таком процессе, когда человек не только что-то технически показывает, а вкладывает всю свою энергию, и рождается интерес к познанию чего-то нового.

Корр.: Это была сразу графика? Или вы еще размышляли?

О. Ю.: Я многим занимался, поступал в высшие заведения трижды: на живопись в Киевский художественный институт, на скульптуру – в ленинградскую «Мухинку», а уже третий раз я поступал в Харькове. Но графики еще не было, а было отделение промышленной графики и упаковки. Дело в том, что когда наш институт перевели на промышленный, очень хотелось сохранить многие специальности художественного направления, например, графику. На этом факультете мы занимались всем: делали плакаты, станковые работы.

Корр.: Кого вы считаете своими учителями по Худпрому?

Ю. О.: У нас был замечательный художник – Ненадо Владимир Спиридонович, на то время выдающийся художник-график. Фактически, так сложилось, что он меня пригласил преподавать в академию после обучения.

Мы часто ездили на всесоюзные выставки графики, тогда это было свободно, мы могли сесть на поезд вечером и быть уже утром в Москве и смотреть на «Манеже» все, что происходило в Советском Союзе. Мы сравнивали его работы с работами прибалтийцев, россиян, грузин – понимали, какого уровня был этот художник. То есть, во-первых, это какая-то глубокая философия, мастерство офорта, линогравюры. Пожалуй, именно этот человек в большей степени повлиял на мое будущее и творчество. Для меня всегда была важна его оценка моих произведений.

Когда я защищал диплом, у меня был руководитель Победин Владимир Алексеевич, и мы с ним работали в другом направлении. Оно было интересно тем, что у нас переплелось вот это дизайнерски-промышленное, в плане графики, и станковое, потому что с нами работали и художники-станковисты на кафедре.

Подход в те времена был такой: по рангу первой была живопись, потом рисунок, потом скульптура, где-то там далеко шрифт, в конце дизайн. Но именно когда эти все составляющие стали переплетаться, тогда начали рождаться новые формы – с одной стороны, поиск нового языка, который связан с дизайном, а с другой – глубина станкового мышления и художников, которые на нас влияли. Мне очень повезло, что я занимался на промышленно-графическом отделении, ведь это позволило мне иначе посмотреть на графику.

Корр.: Где вы черпаете идеи? Может, есть какой-то источник вдохновения?

О. Ю.: Расскажу одну интересную историю. Это было примерно около сорока лет назад. Я уже закончил институт, стал молодым преподавателем, и меня послали в творческую командировку в феврале в Седнев (у нас была там творческая база от Союза художников). Я набрал материалов, у меня были подготовлены темы, перед этим ездил на Атоммаш, где собирал много рисунков, но это отдельная тема. Февраль был морозный, много снега, выпал красивый иней, и мне уже не захотелось заниматься выбранной темой, а хотелось рисовать этот иней. Сидишь на морозе, перышко греешь, и пока тушь отогревается, беседуешь с товарищем. И тут я увидел такую картину: дерево, на дереве гнездо, рядом колонка для воды, и я решил рисовать это дерево с гнездом. Мимо меня прошел мужик, набрал воды, пошел обратно, поставил ведра на землю, с минуту молча посмотрел на работу и сказал одно слово: «Красиво», – взял ведра и ушел. Это еще не конец истории.

На последней выставке, ребята уже заканчивали вешать работы, открывается дверь, входит человек в халате, на плече у него десятилитровый баллон воды, он ставит его на землю и с огромным интересом начинает рассматривать те работы, которые уже были повешены. Такого зрителя я не видел даже после: он перебегал от одной работы к другой, рассматривал еще и еще все, что было повешено на тот момент. Посмотрел, взял свой бидон и вышел. Тогда я вспомнил тот морозный день и человека с ведрами...

Позже я понял, что это был «проверяющий», который смотрел, насколько я соответствовал тезису «красиво». «Красиво» я понимал, как что-то гармоничное, наличие смысла.

Корр.: Вы пытаетесь воспоминаниями и это вас вдохновляет?

О. Ю.: Это сложный момент, потому что тут участвуют различные составляющие. Был период, когда я много рисовал с натуры, но пришел какой-то момент, когда я сказал себе: «А что, я не могу без натуры нарисовать?», – и я начал рисовать без натуры. Я понял вот эту свободу, когда человек рисует с натурой и когда он рисует без нее. Когда работаешь над листом, ты становишься хозяином этого пространства, ты свободен. И в этот момент рождаются новые идеи.

Корр.: У вас на выставке были работы на библейские сюжеты. Что вы хотите донести этими произведениями?

О. Ю.: Был период, когда я открыл Библию и увидел, что многое, о чем в ней сказано, и сейчас есть, но в другом облики, перефразировано в пословицах и прочих каких-то вещах.

Мне хотелось какую-то новую форму дать всем этим моментам. Есть некие факторы в истории человечества, которые требуют в каждое время нового и нового облика. Поэтому здесь нет прямой подтекстной картинки или иллюстрации. Новым тут выступает компоновка материалов. Классические техники графики я нагрузил новыми элементами при помощи компьютера.

Я родился после войны и стал свидетелем технического прогресса: нам провели свет, первое радио, начали появляться черно-белые телевизоры с небольшими экранчиками – это все были события, а если мы вспоминаем последние открытия – это, конечно, компьютер, который изменил нашу жизнь. В 60 лет я овладел этой техникой. Я начал применять программы, начал соединять, увидел новые возможности, новые перспективы, я считаю, что это очень хороший инструмент, он может дать свободу художнику.

Корр.: А все же, классическим или компьютерным техникам вы отдаете предпочтение? Есть какая-то грань?

О. Ю.: На выставке как раз был показан момент соединения ручных техник и компьютера: где-то штриховые рисунки я через компьютер композиционно изменил, их напечатал и т.д., были работы, выполненные только на компьютере без применения ручных техник. Пути могут быть разные и это то, что меня привлекает.

Корр.: Над чем вы сейчас работаете? Планируете ли еще выставки?

О. Ю.: Выставки я делаю редко. Говорить о том, что будет, учитывая возраст – трудно, потому что сегодня мы есть, а завтра нас нет. Планы можно строить большие, главное их реализовать, а это уже вопрос...

Корр.: Вы говорили, что следите за выставками, за художественной жизнью Харькова и не только. А современные художники, ваши ученики наталкивают вас на что-то новое?

О. Ю.: Ты всегда чувствуешь, что это некая конкуренция в будущем, и, собственно говоря, это здоровая конкуренция, потому что чем лучше ты учишь, тем и сам в какой-то степени самосовершенствуешься.

Во-первых, это новый взгляд на мир, это новое время, в котором люди живут и мыслят по-другому, это некий сплав того, что было, того, что есть и того, что будет...